

А. А. Карамова
Бирск, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Рассматриваются специфические особенности социально-политической оценки, обусловленные ее принадлежностью к сфере политического дискурса: особое место в ряду других частных оценок; ярко выраженная гибкость под влиянием экстраполингвистических факторов; своеобразие методики анализа единиц, выраждающих ее.

Ключевые слова: политический дискурс; оценка; социально-политическая оценка; общественно-политический словарь; контекст; значение; коннотация; экспрессивность.

Сведения об авторе: Карамова Айгуль Аиратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Бирская государственная социально-педагогическая академия

Контактная информация: 452453, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10.
e-mail: academy@birsk.ru.

Оценка — положительная или отрицательная характеристика предмета, связанная с признанием или непризнанием его ценности с позиции определенных ценностных критерии. И сам предмет квалификации, и его основание различны. В соответствии с этим разнообразна также и оценка. Нас интересует оценка социально-политического характера как неотъемлемая составляющая политического дискурса. Анализ лексических единиц, выражающих данный тип оценки, позволяет констатировать, что социально-политическая оценка во многом специфична, как, в общем, и та область, в которой она бытует. Специфика социально-политической оценки определяется рядом фактов. Рассмотрим наиболее значимые из них.

I. Особое место социально-политической оценки в ряду других типов оценки. Попытки классификации оценки предпринимались неоднократно (классификации М. Шеллера, Р. Ингардена, В. Зиллинга, М. Рокеша, Н. Д. Арутюновой, Л. М. Васильева). Классификации базируются на разных основаниях (на степени соотношения объективного и субъективного — общая и частная оценка; на характере — рациональная и эмоциональная оценка; на месте оценки в структуре значения — понятийная и коннотативная оценка). Совершенно очевидно, что социально-политическая оценка — это одна из разновидностей частных оценок, которые, помимо компонента «хорошо/плохо», содержат в себе еще и указание на конкретные свойства объекта, то есть на основание оценки (например: полезный — утилитарное основание, щед-

рый — этическое основание, красивый — эстетическое основание). Именно этот компонент лексического значения берется за основу в классификациях частных оценок. Несмотря на очевидность характеристики социально-политической оценки в качестве частной, в известных нам классификациях [Арутюнова 1999: 198—199; Васильев 2000: 111] нет указания на эту разновидность оценки. Вместе с тем существует необходимость рассматривать социально-политическую оценку как отдельный тип.

Это связано, в первую очередь, с многочисленностью лексических единиц, выражающих социально-политическую оценку. Такие слова являются неотъемлемой частью общественно-политического словаря, обслуживающего важнейшую сферу человеческих отношений. Эта сфера является предметом активной квалифицированно-оценочной направленности. И именно такая направленность, на наш взгляд, определяет специфику подобной квалификации. Социально-политическая оценка может иметь своим основанием все наиболее социально, общественно обусловленные нормы и сближаться в этом смысле с такими типами оценок, как этические: *карьерист*, *конъюнктурщик*, *прихватизация*; утилитарные: *убыточность*, *нерентабельность* (предприятия); нормативные: *кризис* (экономический), *стагнация*, *девальвация* (рубля) и т. д. Вместе с тем отождествлять социально-политическую оценку с названными типами нецелесообразно по той причине, что социально-политическая оценка имеет определенную направленность. Например, *нерентабельным*, *бездоходным* может быть

только объект из сферы экономики. (Здесь имеется в виду ингерентная общественно-политическая лексика, которой как единице языка присуще политически связанное значение. Она выделяется в противовес адгерентной, политическое значение которой обусловлено контекстом: *атрофия власти — атрофия органов, финансовые бури — песчаные бури*. Последняя может выражать социально-политическую оценку только в условиях соответствующего контекста.) Таким образом, классифицирующим признаком общественно-политической оценки становится не столько основание, то есть то, с *точки зрения чего* производится оценивание, сколько предмет, то есть то, *что* оценивается. А оцениваться в этом случае может только объект общественно-политической сферы.

Особенность социально-политической оценки определяется еще одним ее структурным компонентом — субъектом. Чаще всего общественно-политическое явление характеризуется с позиции или части социума, или социума в целом. Оценка, высказанная отдельным человеком в политике, — это чаще всего выражение коллективной позиции определенной партии, группы.

Таким образом, выделять социально-политическую оценку в отдельный тип частных оценок целесообразно с учетом основания (только социально значимого) и предмета (также общественно значимого). Отсюда очевидно, что она специфична и будет занимать в классификации особое место.

II. Подвижность, неустойчивость социально-политической оценки. Социально-политическая оценка в наибольшей мере, по сравнению с другими типами, подвержена влиянию экстралингвистических факторов. Это тоже обусловлено ее принадлежностью к общественно-политической лексике, которая очень гибко реагирует на любые внешние изменения. Коренные преобразования способны значительно повлиять на соответствующий словарь. Подобным фактором явилась перестройка 1985 г.

Коренные общественно-политические реформы влекут за собой оценочное переосмысление многих реалий. Это отражается на количественном и качественном составе оценочных единиц. В кругу количественных изменений наиболее яркий процесс — пополнение словаря: *прихватизация, волчеризация, бомж, ГКЧР, киллер, новый русский, совок* и т. д.

Качественные изменения — оценочные трансформации в пределах лексического значения слова. Они естественным образом влекут за собой и количественные процессы. Можно проследить следующие трансформации:

- формирование социально-политической оценки;
- поляризация социально-политической оценки;
- нейтрализация социально-политической оценки.

Рассмотрим их подробнее в свете указанной общественно-политической реформы.

ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ

Под влиянием социальных факторов номинативные слова могут преобразовываться в оценочные: за лексическим значением закрепляется оценочный компонент, либо у слова развивается новое, оценочное значение.

Рассмотрим в этом плане слово *перестройка*, ставшее ключевым в конце XX в. и отражающее знаковую общественно-политическую реалию того времени.

Политически связанное значение слова *перестройка* появилось на базе отглагольного существительного. В основу развития политического значения легли два из известных значений глагола *перестроить*: «1. Построить заново, иначе, произвести переделку в постройке; 2. Переделать, внеся изменения в систему чего-либо, порядок следования чего-либо» [МАС, 3: 98]. В период, наиболее приближенный к указанной реформе, словари фиксируют следующее значение: «Подготовленный и организованный КПСС и поддержанный всем народом революционный по своей сути процесс коренного изменения норм и принципов руководства, экономики, общественного сознания, направленный на совершенствование и ускоренное развитие народного хозяйства на основе обновления технической и технологической базы производства, самофинансирования и хозрасчета, на развитие демократии, гласности, личной трудовой инициативы, на ускорение социального прогресса» [Ожегов 1990: 509]. Понятно, что событие подобного масштаба не могло не явиться объектом оценочной квалификации, что не только отражалось в дефиниции значения, но и скрывалось на функционировании слова. В период «эйфории от гласности» за ним закрепляются положительные коннотации. Об этом свидетельствуют: 1) сочетаемость: *в духе перестройки, партия перестройки, творчеством масс сильна перестройка, перестройка и новое мышление, перестройка есть соединение социализма и демократии* [Костомаров 1999: 153—154]; 2) перифразы: *волна обновления, реформы в СССР, эпоха реформ; 3) метафорические обозначения: перевал, поток, вторая оттепель*. Инициаторы перестройки уподоблялись *штурманам, капитанам, архитекторам* [Телия 1996: 375]. Положительная оценка номинации *перестройка* выражалась в противопоставлении ее слову *застой*, употреблявшемуся в значении «период в советской истории с середины 60-х гг. до 1985 г., характеризовавшийся экономическим упадком, коррупцией, моральным разложением властных структур и связанным с этим кризисом всего общества» [ТСРЯ: 375].

Однако по мере дальнейшего осмысливания обществом своей истории у слова появляются и негативные коннотации. Номинация заменяется такими перифразами, как *непрекращающийся ремонт, развалины (руины) перестрой-*

ки, косметические реформы [Какорина 1996: 178]. Место положительно окрашенных метафор занимают обозначения с противоположным знаком: *повоzка*, *болото*, *драма*, *говорильня*, *хирургическая операция*. Инициаторы перестройки теперь *заложники* [Телия 1996: 127]. Слово *перестройка* активно участвует в образовании оценочных экспрессивных номинаций: *перестройщик*, *перестроечник*, *долгострой*, *контр-перестройка*, *недоперестройка*, *катастстройка*. В этот период «перестройка воспринимается как какое-то растение, семена которого посевяны, но плодов еще никто не видел <...> перестройка уподобляется взлетевшему самолету, аэродром для которого еще не построен» [Баранов, Карапулов 1991: 13]. На определенном этапе словари фиксируютнейтрализацию оценки (сравнительно с первоначальной дефиницией): «В СССР в 1985—1991 гг.: начало коренного изменения в политике и экономике, направленного на установление рыночных отношений, на развитие демократии и гласности, на окончание холодной войны» [Ожегов, Шведова 2003: 511]. Исследователи, опираясь на анализ функционирования слова, совершиенно обоснованно констатируют, что в определенный момент существительное *перестройка* было энантиосемичным, «когда на определенном этапе “ухудшения” своего значения слово совмещает еще не забытую положительную оценку и новую отрицательную» [Клушина 1997: 51]. В начале XXI в., когда в лексической системе наметилась тенденция к стабилизации (по сравнению с периодом конца XX в.), слово *перестройка* также совмещает в себе две противоположные оценки, что уже узально зафиксировано в словарях: «Совокупность осуществлявшихся в СССР в 1985—1991 гг. реформ и преобразований в области экономики, общественной и государственной жизни, направленных на развитие демократии, гласности, на выход страны в мировое сообщество и имевших, наряду с **позитивными** переменами, **негативные** (распад государства, резкое разделение общества на богатых и бедных, криминализация всех сфер жизни и т. п.)» [ТСРЯ: 724]. Указанный факт наводит на мысль о том, что в данном случае имеет место не столько энантиосемия (поскольку это явление временное), сколько двуоценочность (по определению И. А. Стернина). Доказано, что слова, обслуживающие идеологию, совмещают в себе положительную (у сторонников данной идеологии) и отрицательную (у ее противников) оценку.

Таким образом, мы проследили, как у слова, изначально неоценочного, развивается новое политически связанное оценочное значение. Процессы формирования оценки можно проследить на примере таких слов, как *христианство*, *ГУЛАГ*, *челнок* и т. п.

Поляризация оценки

Под влиянием экстралингвистических факторов, в результате переосмысливания реалий

языковая оценка может поменяться на противоположную. Это в большей мере проявляется у слов с идеологической окраской. Рассмотрим в качестве наиболее яркого примера слово *советский*, которое в период существования советской власти имело неоспоримо положительное значение.

Словари советского периода фиксируют два значения слова *советский*: «1. Прилагательное к Совет; основанный на управлении советами как органами власти: *советская власть*; 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов: *советский период*» [МАС, 4: 175]. Как видно, в структуре лексического значения нет явно выраженного оценочного компонента. Однако примечателен тот ореол, коннотации, которыми окружалось слово в советский период развития страны. Оно употребляется в одном синонимическом ряду с прилагательными *государственный*, *правительственный*. Показательны также лозунги, бытовавшие в описываемый период: «*Да здравствует наша великая советская Родина!*»; «*Слава советской державе!*»; «*Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики!*»; «*За счастливую юность голосует советская молодежь!*»; «*Слава всему советскому народу — строителю коммунизма!*» и т. п. Ряд производных от прилагательного *советский* типа *антисоветский*, *антисоветчик*, *антисоветчина* свидетельствует о негативном отношении общества к противникам советского строя. Таким образом, сама идеология диктовала положительную оценку, и иная квалификация не допускалась.

Изменение оценки обществом своих идеологических и политических установок повлияло на контексты, ранее окружавшие слово: *советская бюрократия*, *советский тоталитаризм*, *советский блат*. В публицистике активно употребляется слово *застой* как негативная характеристика одного из периодов советской эпохи. Возрождается к жизни производное от сочетания *советский депутат* слово *совдепия* (оно родилось еще в Белой армии и в годы становления Советской страны выражало негативное отношение противников революции к устанавливающемуся строю). Прилагательное *советский* становится производным для таких экспрессивных оценочных номинаций, как: *антисоветизм*, имеющее значение «жесткое неприятие советского периода и относящихся к нему, связанных с ним явлений» [ТСРЯ: 76]; *совок* (По свидетельству В. Г. Костомарова, появилось на газетной полосе в 1990-х гг. В настоящий момент оно функционирует в языке на правах узального слова, так как зафиксировано в словарях полисемантично: «1. Советский Союз, советский строй; 2. Что-либо, свойственное Советскому Союзу, Советскому строю; 3. Советский человек как носитель определенных качеств» [ТСРЯ: 93]; участвует в словооб

разовании: *совковый, совковость; гомо (хомо) советикус* (словосочетание также зафиксировано в современных словарях со значением «советский человек» [ТСРЯ: 931].

Более того, отрицательное значение слова *советский*, предпосылки к развитию которого появились в перестроечный период, закрепилось за прилагательным. Свидетельство этому — фиксация его в новейших словарях с пометой «неодобрительное»: «Характерный для СССР: *В актуальной русской литературе вновь появляется, проявляется полузыбкий за годы советского беспамятства аппарат для работы с языками культуры внутренней (внутри каждого отдельного индивидуума) жизни*. Знамя, 2000, № 9» [ТСРЯ: 931].

Таким образом, мы проследили поляризацию оценок, проявившуюся в функционировании слова (от положительной к отрицательной). Вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что анализируемое слово имеет идеологическую окраску, которая не позволяет исследователям однозначно квалифицировать полярность оценки. Оно должно трактоваться как двуоценочное. Поэтому не исключается употребление слова *советский* (в значении «относящийся к Стране Советов, к СССР») в положительных контекстах: «За ними великая культура великого народа, за ними *советская эпоха*, которая была самым гениальным проектом человечества и которую силой сломали, не дав ей окончательно реализоваться» (Правда России. 1999. № 9).

Поляризация оценок наблюдается также в значении слов *коммунизм, коммунист, товарищ, социализм, капитализм* и т. п.

Нейтрализация оценки

Под нейтрализацией оценки следует понимать утрату оценочного компонента в значении слова или оценочного значения в семантической структуре многозначного слова. Одним из наиболее ярких примеров этого явления может послужить слово *товарищ*. Согласно исследованиям Б. Казанского, слово в старорусском языке обозначало соратника, соучастника похода или торгового путешествия. На развитие политического значения существительного *товарищ* повлияло европейское *камрад*, пошедшее от испанского *камарада*, что значило ‘камерный’, т. е. солдат той же камеры (казармы) [Казанский 1958: 58]. Два из пяти значений слова *товарищ*, отмеченных словарями советского периода («1. Член рабочей революционной партии, партийного рабочего коллектива; 2. Гражданин, человек в советском обществе» [МАС, 4: 371]), имеют идеологический характер и во многом объясняют повсеместное употребление этой номинации в роли обращения в советский период. Активное употребление этой формы также можно связать с теми высокими ассоциациями, которые связывались со словом *товарищ*: «Какое же слово... как не товарищ...лучше — прямее, сильнее, проще и надежнее — могло бы выразить то высокое и крепкое

творческое и ответственное отношение, которое должно будет по-новому — глубже, богаче, активнее и радостнее — объединить между собой трудящихся всего мира!» [Казанский 1958: 53]. Слово *товарищ* употреблялось в качестве синонима к словам *коммунист, активист, гражданин*. Преобладающая часть контекстов, окружавших слово, также положительна: *опытный товарищ, энергичный товарищ, деятельный товарищ, руководящий товарищ, уважаемый товарищ, дорогой товарищ; в какого-либо товарища верить; в каком-либо товарище не сомневаться; на какого-либо товарища положиться и т. п.* [УСССРЯ: 591—592]; *Наше слово гордое «товарищ» нам дороже всех красивых слов.* — Е. Долматовский. Лейся, песня [Мокиенко, Никитина 2008: 602]. Указанные факты свидетельствуют о положительных коннотациях, закрепившихся за данным словом в советский период. (Вместе с тем нельзя забывать об идеологической окраске слова, которая обуславливает двуоценочность единицы: «Толковым словарем языка Совдепии» зафиксировано пре-небрежительное обозначение большевика или его сторонника, бытовавшее у противников, принадлежащих к противоположной идеологии: «Мы должны сдать Питер немцам, установить немецкую власть, немецкую политику, перевешать всех *“товарищей”* и дать России крепкое правительство». — Погодин Н. Человек с ружьем. Кремлевские куранты. Третья патетическая. — М., 1969. С. 25) [Мокиенко, Никитина 1998: 602].

К середине 80-х гг. XX в. слово приобретает отрицательную окраску, используется для выражения ироничного отношения, что распространяется и на саму форму вежливого обращения: *товарищи демократы!; господа-товарищи демократы!* В. Г. Костомаров отмечает, что в истории этого слова повторилось, только с обратным знаком то, что с ним произошло в 20-е гг. XX в., когда, по оценке эмиграции, «прекрасное слово товарищ стало бессодержательным обращением» (С. и А. Волконские) [Костомаров 1999: 13].

Предпосылки к формированию отрицательной оценки слова *товарищ*, наметившиеся в словоупотреблении конца XX в., способствовали вытеснению этой единицы из активного употребления. Новейшие словари трактуют данное слово (в анализируемых значениях) как историзм советского времени, не осложненный оценочным компонентом: «В советское время (обычно перед фамилией, званием, должностью, профессией): обращение к гражданину, а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии» [Ожегов, Шведова 2003: 800]; «В советское время: обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека» [ТСРЯ 986].

Нейтрализовались в оценочном плане слова типа *гражданин, господин, капитализм, буржуазия* и т. д.

III. СВОЕОБРАЗИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ. Как продемонстрировал предложенный анализ, и констатация самого факта оценочности политического слова, и определение полярности его оценки представляют определенные трудности. Оценка и ее изменения могут первоначально проявляться на правах контекстуальных или коннотативных (имеется в виду коннотация как ассоциативный, потенциальный, факультативный компонент лексического значения). Такие коннотации отражаются в словарях в виде ЛСВ или помет. Однако в работе над общественно-политической лексикой приходится сталкиваться с трудностями при определении подобного рода оценочного компонента. Дело в том, что не всегда удается судить о переходе речевой коннотации в узульную, так как даже новейшие словари часто не успевают учесть всех «коллизий», происходящих со словом из разряда общественно-политической лексики. Это связано со следующими особенностями социально-политической оценки:

1) у представителей разных идеологий, партий, группировок с одним и тем же понятием могут быть связаны различные, часто противоположные, ассоциации (например, если для представителя революционного движения *пролетариат* — это *защитник свободы и равенства*, то для сторонников оппозиции — *разрушитель России*), т. е. мы наблюдаем явление двуоценочности;

2) политическая лексика в значительной мере привязана к определенным периодам в жизни общества, в связи с чем она чутко реагирует на все переосмысления фактов (например, поляризация оценок в словах типа *советский, коммунизм, капитализм*);

3) политическая лексика часто отражает появление новых понятий в политике и общественной сфере, еще не получивших устоявшейся оценки (например, фразеологизм *новый русский* в начале 90-х гг. XX в. мог употребляться и с положительным, и с отрицательным оттенком).

Поэтому лишь сложный комплексный анализ (опирающийся на методы и приемы структурного, таксономического, лексического, контекстуального, словообразовательного, сравнительно-исторического, социолингвистического, психолингвистического анализа; привлекающий широкий исторический контекст) может позволить свидетельствовать об оценочности слова, а также об оценочных трансформациях. Часто результатом подобного анализа является лишь

определение тенденции к закреплению оценки за словом.

Таким образом, специфичность социально-политической оценки обусловлена особенностями и закономерностями самого политического дискурса, характерным проявлением которого она является.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: ЯРК, 1999.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: мат-лы к словарю. — М.: ИНЯ АН СССР, 1991.

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Вост. ун-т, 2000. Вып.1.

Казанский Б. В мире слов. — Л.: Лениздат, 1958.

Какорина Е. А. Новизна и стандарт в языке современной газеты (особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996. С. 169—181.

Клушина Н. И. Два противоположных значения в одном слове // Русская речь. 1997. № 3. С. 54—60.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб., 1999.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., перераб. — М.: Русский язык, 1990.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003.

Словарь русского языка = МАС: в 4-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1983. Т. 3.

Словарь русского языка = МАС: в 4-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1984. Т. 4.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

Толковый словарь русского языка нач. XXI в. Актуальная лексика = ТСРЯ / С.-Петербург. гос. ун-т, институт филологических исследований; под ред. Г. Н. Скляревской. — М.: Эксмо, 2007.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка = УСССРЯ / Институт русского языка им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1978.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент М. Б. Ворошилова